

«...БЫТЬ ЧЕЛОВЕКУ СВОБОДНЫМ»

**ЗАВТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ 85 ЛЕТ
ПИСАТЕЛЮ В. ГРОССМАНУ**

ТОНКАЯ, почти папиросная бумага, наползающие одна на другую, без интервала, машинописные строки... Лет десять, а может больше, храню я эту расхристанную самиздатовскую рукопись, на титульном листе которой значится: «Все течет». Если и выходила она из стен дома, то только под честное слово самых близких друзей — «поимка» ее могла грозить большими неприятностями.

Верил ли я тогда, что будет гроссмановская вещь напечатана типографским способом в известном литературном журнале, выходящем тиражом почти 400 тысяч экземпляров? Не то что не верил — был убежден, что наше и последующее поколения не увидят этого. И ошибся. Как еще более чудовищно ошибся в сроках советский идеолог, «серый кардинал» Суслов (прости, Господи, за такое сопоставление), посуливший автору опубликовать эпопею «Жизнь и судьба» аж через лет двести—триста. Все уже издано на родине писателя, на родном ему русском языке, которым он владел, как мало кто на нашей земле.

Гроссман не был арестован. Арестованы были его рукописи, в которых он проповедовал простую до изумления философскую идею: жизнь — это свобода. В 1961-м роман «Жизнь и судьба», предложенный для напечатания журналу «Знамя», был по доносу тогдашнего главного редактора В. Кожевникова изъят КГБ. До последней страницы, включая черновики. Искали даже копии у машинистки. В письме Хрущеву Василий Семенович спрашивал: «Почему же на мою книгу, которая, может быть, в какой-то мере отвечает на внутренние запросы советских людей, книгу, в которой нет лжи и клеветы, а есть правда, боль, любовь к людям, наложен запрет, почему она забрана у меня методами административного насилия, упрятана от меня и от людей, как преступный убийца?».

На горячий вопрос не последовало ответа.

Но не все изъяти кэзгисты. Один экземпляр великого романа, кото-

рый по глубине и широте социального-исторического охвата событий справедливо сравнивают с толстовскими, хранился в Малоярославце у друга Гроссмана — В. И. Лободы. Удалось сохранить и другой экземпляр. Впервые изданной «Жизнь и судьба» оказалась в Швейцарии десять лет назад, а недавно пришла и к нам, в Россию. До этого роман числился, как и «Все течет», в списках потаенной литературы — особого жанра, расцветшего в последние два десятилетия.

...Я побывал в квартире Василия Семеновича один — единственный раз, летом 1966-го, вместе со своим другом, армянским писателем и переводчиком Рафаэлем Авакяном. Вдова Гроссмана — Ольга Михайловна Губер — пригласила нас в комнату, где работал Василий Семенович. Возникло ощущение, что находишься в кабинете геолога: на письменном столе лежали камни, в том числе кусочки базальта, пирита, кремния, розового туфа. Камни были привезены из Армении.

Ольга Михайловна достала из ящика стола коньяк «Двин» и кипу писем.

— Коньяком он велел угощать друзей. И письма эти — тоже из Армении. Берите, — предложила она моему другу, — используйте, как сочтете нужным...

В Армению Гроссман попал по приглашению Рачия Кочара, чью книгу он переводил. После ареста «Жизни и судьбы» Гроссмана перестали издавать, договоры с ним были расторгнуты, жить стало не на что. Этим и объясняется поездка в Армению. Итогом ее стало изящное, исполненное любви к древнему народу эссе «Добро вам». Благодаря визиту к Ольге Михайловне Губер удалось опубликовать в Ереване отрывки из 14 писем писателя. И «Добро вам» впервые также было опубликовано именно в Армении, несмотря на «черный список», в который уже занесил Гроссмана.

Кажется, Симонов говорил: если на каком-то представительном писательском собрании все голосуют «за» и лишь одна поднятая рука — «против» или, наоборот, все «против» и лишь один «за» — то без ошибки можно определить: это Гроссман. Совесть, порядочность, честь были для него абсолютными категориями, и этим он весьма отличался от подавляющего большинства собратьев по перу. Вслушаемся в его слова: «Правда одна. Нет двух правд. Трудно жить без правды, либо с осколочками, с частичей правды, с обрубленной, подстриженной правдой».

В 1953-м, еще при жизни Сталина, теперь всеми забытый, а тогда находившийся на гребне популярности М. Бубеннов бросил Гроссману с газетной страницы обвинения, кажушиеся сегодня смехотворно нелепыми: «Автор стремится доказать, что бессмертные подвиги совершают обыкновенные люди... В. Гроссман вообще не показывает партию как организатора победы — ни в тылу, ни в армии...». Духовные наследники никому не известного Бубеннова, тоже именующие себя писателями, нынче бросают Гроссману столь же смехотворно нелепые обвинения в клевете на русский народ, без тени смущения называют его «русофобом». И бесстыдно гуляют по страницам определенных газет и журналов это поганое словечко применительно к писателю, воспевшему подвиг народа, который становится бессмертным, когда сражается ради и во имя свободы.

Василий Семенович не сможет ответить на поклеп. За него это делают его книги. Из потаенных они стали открытыми, доступными миллионам читателей. И вслед за Гроссманом мы говорим: «Как бы ни были огромны небоскребы и могучи пушки, как ни была безгранична власть государства и могучи империи, все это лишь дым и туман, который исчезнет. Остается, разбивается и живет лишь истинная сила — она в одном, в свободе. Жить — значит быть человеку свободным».

Д. ГАЙ.